

«ОТКРЫТИЕ ДРУГОГО – ЭТО ОДНОВРЕМЕННО ОТКРЫТИЕ СЕБЯ...»

(вечные вопросы в современной философии и культуре международных отношений)

А.А. Гусейнов

Интервью с известным философом, научным руководителем ИФ РАН, академиком А.А. Гусейновым. Беседу вели доктор философских наук, профессор М.В. Силантьева и аспирантка кафедры мировой литературы и культуры МГИМО(У) Д.Д. Любинская. Интервью было дано специально для журнала «Концепт: философия, религия, культура».

М.С.: Глубокоуважаемый Салам Керимович, бюст Аристотеля в Вашем кабинете – дань Вашему давнему и плодотворному увлечению его этикой? Или Вы считаете, что философия – если это философия – всегда современна?

А.А.: Недавно весь мир особенно много говорил об Аристотеле, его идеях в связи с юбилеем – 2400 лет. Но и без такого внешне стимулированного интереса он постоянно присутствует в нашей работе, мы даже не представляем себе, в какой мере мы все, если можно так выразиться, аристотелики. Например, пять органов чувств выделил Аристотель. Все теории справедливости, в том числе теория Дж. Ролза, едва ли пошли дальше той схемы, которую выявил Аристотель. Все формы государства, которые существуют, их систематизировал Аристотель. Психология в своей основе – это

Аристотелева книга «О душе». Эстетика, этика – он вообще основал эти науки. Просто невероятно, что это все сделал один человек, который, кстати, прожил не так уж и много, меньше 70-ти лет. В этом смысле Аристотеля можно было бы даже считать одним из аргументов в пользу существования Бога (если бы мы вообще нуждались в таких аргументах), потому что трудно себе помыслить, чтобы смертный человек сам по себе мог сделать столько, обладал таким гением, как Аристотель!

М.С.: В связи с Аристотелем: как Вы считаете, имеет смысл сохранение в нашем философском образовании солидного блока античности? Время от времени слышу мнение, что хорошо бы сразу давать первокурсникам современную американскую философию политики, а не отвлекать их «музейными» темами...

А.А.: «Солидный блок античности» в образовании не только имеет смысл, он просто необходим. Я бы даже сказал, если преподавание философии сохраняет какой-то смысл, то, прежде всего, потому, что в рамках философии студенты могут познакомиться с Платоном, Аристотелем и с другими сопоставимыми с ними великими именами в истории европейской культуры. Античность – это не просто первый этап философии и культуры, не просто первый шаг и не просто начало, это – некое основание. Основание, которое является постоянным источником; основание, к которому возвращаются последующие эпохи. Река европейской философии и сейчас уходит своим истоком туда, в античность, и, если тот источник перестанет бить, то она, река эта, высохнет. Как и почему так получилось, это уже особый вопрос. Для нас достаточно знать, что это так и что европейскую культуру, её философские основания надо рассматривать как нечто исторически целостное.

Философия развивалась таким образом, что каждое новое направление, новый качественный этап одновременно апеллировал к античности, находил там свои источники. Казалось бы, современное течение – прагматизм, специфическая американская философия. Но прагматизм тоже свои истоки находит в античности, у софистов. В античности в виде зерен были заложены все последующие учения и мировоззрения. Никто не спорит, что одна из величайших фигур XX в. – М. Хайдеггер. А он философствовал на материале античности – Гераклита, Анаксимандра, Аристотеля, Парменида. Можно и другие примеры привести. Если не знаком с истоком, основанием, о каком серьёзном понимании современных подходов может идти речь?

М.С.: *Следует ли отсюда вывод, что человек с его вечными вопросами неизменен?*

А.А.: Нет, человек с вечными вопросами изменен. Почему вопросы «вечные»? Не потому, что на них можно раз и навсегда («навечно») ответить и это уже сделали гении прошлого; а потому, что

требуют каждый раз нового ответа, ведь меняется время, обстоятельства, люди и на них надо вечно отвечать.

Жизнь существует в каких-то своих устоявшихся повторяющихся формах (рождение, рост, старение, смерть), тем не менее, каждый индивид проживает её единственно ему свойственным образом, рождаясь, развиваясь, старея и умирая, он не повторяет чей-то путь, он прокладывает свой и прокладывает так, как если бы он это делал впервые. Точно так же и вечные вопросы философии. Они не возникают как условия решения каких-то прагматических задач. Вы не найдёте такой практической задачи, решение которой напрямую зависит от того, как мы ответим на вопрос – конечен мир или бесконечен. Прикладные задачи решаются обращением к знанию, адаптированному к конкретным условиям.

Но значит ли это, что вопросы, именуемые нами вечными, сами по себе представляют только абстрактный интерес? Думаю, нет. Возьмём наиболее близкие нам личностные вопросы, связанные с этическим выбором. Рано или поздно они встают перед любым мыслящим человеком. И часто встают совсем не абстрактно, а вполне жизненно и очень конкретно, как, например, вопрос о смысле жизни, который встал перед Львом Николаевичем Толстым в канун его 50-летия и размышления над которым перевернули весь его духовный строй. Поэтому, мне кажется, как раз наличие и постоянная работа с так называемыми вечными вопросами свидетельствуют об изменчивости людей, которые именно в силу их изменчивости вынуждены каждый раз заново решать эти проблемы. Так что вечные вопросы – это вопросы, на которые мы «вечно» отвечаем.

М.С.: *Вы – один из самых известных российских этиков, а этика, как учил Софократ, ядро философии. Вряд ли кто-то всерьёз будет оспаривать, что многое в ориентации человека, – и в мире практическом, и в мире смыслов, – зависит от внутренней этической центровки. Как с Вашей точки зрения соотносятся сегодня тот «нравственный закон, который*

внутри меня», и нравственные социальные лекала?

А.А.: Это очень важный и серьёзный вопрос для понимания состояния современной философии. Прежде всего, следует отметить, что философия как таковая морально ориентирована. Если мы зададимся вопросом, чем вызвано рождение философии, то окажется: познавательные мотивы играли здесь важную, но отнюдь не решающую и уж, во всяком случае, не единственную роль. В основе лежали также поиски людьми более совершенных форм жизни. В рамках моральных устремлений человека, то есть в рамках вопроса о том, какая жизнь является более совершенной, более достойной, – именно в этих рамках возникает философия как любовь к мудрости.

Философия в этом смысле продолжала поиски важных для человека истин и смыслов после предшествовавших ей мифологии и героического эпоса. Но, в отличие от них, философия перевела вопрос о счастье и добродетели в поле рациональных поисков, в плоскость познания. Замкнула поиск совершенной жизни на моральную добродетель как единство духовных потенций человека, а не на физическое его развитие, не на героизм (если брать гомеровский идеал) и не на религиозно-мистические практики (если брать опыт орфиков). Единство духовных потенций с точки зрения философии фокусируется и обеспечивается рациональным познанием, разумом, логикой, – в этом своеобразие её подхода. Именно поэтому философские размышления всегда были насыщены нравственным пафосом.

Тому есть много свидетельств, просто не всегда на них обращают внимание. Вот Гераклит – певец всеобщего единого логоса. И у него есть фрагмент: «Я искал самого себя». То есть, логос, огонь ему нужны для того, чтобы найти самого себя. Парменид, с его знаменитыми чеканными тезисами о бытии. А ведь заключённая в них, этих тезисах, мудрость – ответ на вопрос юноши, который искал правду жизни; искал, по какому пути ему пойти. Или, скажем, «Рассуждение о

методе» Декарта, важнейшая программа Нового времени, программа новоевропейского рационализма.

Но ведь на самом деле это автобиография! Автор прямо говорит, что это – автобиографическое сочинение, возникшее у него в поисках своего понимания жизни. Причём такая автобиография, где он хочет дойти до подлинного смысла жизни. И находит его в своем знаменитом: «Мыслию, следовательно, существую». Иногда забывают один важный момент: философы привнесли в культуру не только интерес к абстрактным, зряшным с точки зрения житейских нужд, вопросам, но и рассматривали этот интерес как нечто для себя более важное, чем власть, деньги и другие прагматические мотивы. Они привнесли не только новый взгляд на мир, но и новые ценности.

Этика, конечно, существует в рамках философии как особый аспект, наряду с логикой, учением о природе, а если брать современную структуру философии, – то и наряду со многими другими дисциплинами, включая социальную философию, философию религии, философию культуры и т.д. Но наряду с этим этика существует и как ядро философии, поскольку есть этическая нацеленность и моральный пафос самой философии. То есть, сама философия как таковая, во всех своих дисциплинарных частях, в том числе и в своей логической основе, имеет определённую этическую направленность; сама философия является этическим проектом. На мой взгляд, стоит подчеркнуть этот момент. Это один аспект.

Второй аспект – ещё более злободневный и трудный: как в понимании самой этики сочетается социальная обусловленность – и некий индивидуальный выбор и индивидуальная установка. Здесь придётся начать издалека. Философия в настоящее время переживает кардинальный сдвиг. Отчасти мы его улавливаем, но осмыслить до конца пока не получается. Происходящее лежит на поверхности, в разговорах о конце философии. Или о том, что от философии вообще остаётся только логика и математика. Или возмём бунт так называемых постмодер-

нистских авторов против классической философии и её установок. Всё это по отдельности можно счесть недоразумением или эпатажем; но всё вместе убеждает в том, что философия действительно находится в переломном состоянии.

Лично я попробовал бы так это сформулировать: есть общее место, согласно которому философию принято считать предельно абстрактной наукой, поскольку она пытается схватить мир в целом, имея дело с предельно общими определениями, описаниями, характеристиками. Но философия – это не просто учение о бытии, взятом в его основах. Она пытается понять бытие таким образом, чтобы в бытии нашлось место самому философу как мыслящему существу, стремящемуся объять его. Ему надо не просто описать бытие, рассказать, что это такое; надо показать, *почему* здесь и *как* здесь оказался человек, который думает об этом бытии, создаёт его образ, и что это означает для самого бытия. И почему ему, человеку, нужно именно такое понимание бытия, которое стало бы для него путеводной нитью.

Такой подход – исключительно важная характеристика философии на протяжении всех почти 3000 лет её существования в рамках европейской культуры. Так, по Гераклиту, логос-огонь, который управляет миром, управляет также самим человеком. И хорошая душа – это разумная душа, она же сухая, огненная. Такой ход мысли, который в учении о бытии находит разгадку человеческого существования, является типичным для философии. Философия движется от общего к индивидуальному. Её установка – через мир понять человека. Найти в мире такие особенности, найти такую глубинную заданность, которая нас вывела бы на человека с его непонятной, необычной, божественной установкой на разум, на познание, на вечное недовольство собой.

Сейчас философия, насколько я могу понять, разочаровалась в своем интеллектуальном «мейнстриме», заключавшемся в движении от общего к индивидуальному. Она уже больше ста лет

пытается наметить другой путь – от индивидуального к общему. Речь идёт о другом ходе мысли, а именно, каким образом мы можем понять и создать адекватный образ бытия, исходя уже из самого человека, его места и миссии в мире. При таком подходе уже исходным пунктом будет не то, что собой представляет мир в том виде, в каком он существует сам по себе, независимо от человека. Исходным пунктом будет сам человек и его поступки. Марксизм с его учением о практике – это была одна из форм такой философии, где бытие стало осмысливаться как практика. В рамках этой философии уже не ставят вопрос о том, что мир представляет собой независимо от того, как мы его видим и как к нему относимся. Бытие понимается как практика.

Это фундаментальный разворот, начало новой философии. Все качественные изменения до этого были в рамках попытки прийти через общее к индивидуальному и тем самым решить проблему существования человека. Сейчас происходит обратное движение. Симптомы этого, конечно, были и у Ницше с его идеями сверхчеловека, и у М.М. Бахтина с его философией поступка, в экзистенциализме с его идеей существования, предшествующего сущности. Постмодернистские философские опыты выдержаны в том же духе.

М.С.: *Есть же и другой подход у того же Аристотеля – от дианоэтических добродетелей к этическим. То есть, когда ты можешь понять благодаря мудрости, добродетели теоретического ума, затем посчитать через рассудительность, добродетель ума практического, деятельного, а потом уже реализовать смысл в «умном» поступке.*

А.А.: Дело в том, что Аристотель в данном случае обнаружил ограниченность Сократа. Тот думал, что добродетель есть знание и что она – функция рационального начала в человеке. Сократ игнорировал аффекты, а ведь на самом деле поступки имеют отношение и к неразумной части. Цели задаются желаниями, а не только и не столько разумом. По Аристотелю, импульс добродетели может

идти и от разума, и от чувств, но все-таки более надёжным случаем является, когда он идёт от чувств, от неразумной части души. Добродетель – это всегда человеческое качество, её нет у богов, потому что у них нет аффективной части, её нет у животных, потому что у них нет разума. Добродетель – это качество людей, потому что у них есть и то, и другое. У человека есть общее с животными, потому что у него есть неразумно-аффективная часть души, и общее с богами, потому что он имеет разум.

Когда мы сейчас рассматриваем поступки, весь анализ Аристотеля сохраняет свое значение. Ведь в чем его идея? В том, чтобы истолковать поведение следующим образом: человек является ответственным за то, что он делает, потому что решающая роль принадлежит разуму, и потому что аффективная часть может быть с ним, разумом, в единстве, быть послушной ему. Именно Аристотель первый создал развернутое учение о произвольных поступках. Это ключевой, решающий признак человеческих поступков.

М.С.: *Получается, что вопрос о свободе сегодня по-прежнему важен для философии?*

А.А.: Это один из вечных вопросов, который всегда важен. Были, конечно, учения, которые ставили вопрос о свободе в центр, как Гегель, считавший, что вся история – это процесс познания свободы. Или Спиноза, который создал этику свободы. Сейчас вопрос о свободе требует новых формулировок и новых решений, в настоящее время он даже важнее, чем раньше. Раньше, как мы выяснили, философия двигалась от общего к частному, а ключевым вопросом был вопрос о том, как необходимость мира связать с добровольностью человеческих действий. Теперь же на первое место вышла интеллектуально-практическая задача связать добровольность человеческих действий с необходимостью. До сих пор философия рассматривала мир таким, какой он есть. И задача состояла в том, чтобы вписать человека в этот мир.

Следовательно, вставал вопрос: в какой мере человек обусловлен, за что он отвечает, где в нем природное, где социальное; где приобретенное, где заимствованное, что способствует его развитию, что препятствует? Теперь по-другому: каким образом этот мир можно осмыслить как мир, порожденный свободным актом человека? И не просто порождённый в результате какого-то единовременного акта, а постоянно порождаемый и конструируемый. Не как раньше – человек вписан в мир; но – мир вписан в человека. И вопрос в том, как понять мир таким образом, как если бы это был тот мир, который формируется нами самими. То есть – понять свободу как особенный способ бытия человека.

Это различие можно также сформулировать в социально-нравственных терминах: раньше свобода понималась как освобождение от внешнего угнетения (от эксплуатации, сословных ограничений, нищеты, болезней, принудительного труда и т.п.). Теперь же на первый план выходит вопрос о том, как распорядиться своей свободой. С моей точки зрения, показательным очень является прошедший недавно в Швейцарии референдум об обеспечении всех граждан некой пожизненной пенсией, обеспечивающей им безбедное материальное существование. Еще более показательным, что швейцарцы не поддержали такое предложение.

Конечно, одни могут сказать, что они проявили мудрость, другие могут уподобить их решение поведению некоторых крестьян, которые не хотели (не смели) выходить из крепостной зависимости. Этот случай свидетельствует о неких глубинных процессах в общественном бытии. Стать свободным – это важно, но это еще не итог, и даже не полдела. Намного важнее, сложнее и ответственнее быть свободным.

М.С.: *Сегодня много говорится о внешней политике, о кризисе международных отношений, о роли дипломатии. В связи с этим ведётся речь о роли ООН, в программных документах которой чётко сказано о нравственности и культурных различиях. Нет ли здесь противоречия?*

Существует ли универсальная модель нравственности, которая не исключала бы культурное разнообразие?

А.А.: Универсальная модель нравственности, универсальный моральный закон, абсолютная мораль? Это – большой вопрос этики, даже роковой для неё. Философы, охваченные пафосом истины, всегда понимали мораль как нечто абсолютное, не умея отбросить эту установку даже тогда, когда они, подобно школе Пиррона, вообще отвергали моральный догматизм и в этом случае придавали абсолютный смысл самой скептической позиции. Или, подобно Ницше, который считал человеческую мораль сплошной фальшью и в этом случае противопоставлял ей некую высшую сверхчеловеческую позицию, тоже неизбежно именуя ее моральной. Но при этом само абсолютное философы понимали, как говорится, «абсолютно» по-разному. К примеру, недавно появился манифест группы философов под названием «Европа, в которую мы верим», в котором они выступают против ложного универсализма и противопоставляют ему истинный универсализм. Но как нам отличить одно от другого?

Здесь есть, над чем задуматься. Абсолютное потому есть абсолютное, что все наши утверждения о нем относительны. Прав был в этом смысле Витгенштейн, говоря, что у нас для морали нет языка и о ней, как и о религии, надо молчать. Но, поскольку мы всё-таки говорим о ней, не можем не говорить – кстати, это вопрос, над которым тоже надо думать, почему мы не можем не говорить о ней, хотя хорошо знаем, что нравственно дисциплинируют отнюдь не речи. Надо всегда иметь в виду относительность наших речей в этике и каждый раз соотносить их с тем, кто эту речь держит. Я бы даже так выразился: безличной моральной истины не существует, ибо сама мораль есть личностно укоренённая, субъектно центрированная позиция индивида в мире.

Мораль имеет, конечно, общественную природу, она возможна только в обществе; человек является моральным существом в той же мере, в какой он явля-

ется существом общественным. Все это – утверждения настолько же банальные, насколько и неопределённые. Они требуют уточнения. Обычное объяснение состоит в том, что мораль представляет собой такую совокупность норм, правил поведения, которые общество предъявляет отдельным индивидам (таков, например, типичный ответ студентов на вопрос о том, что такое мораль).

Это утверждение также следует признать неопределённым, если не демагогическим. Ибо встает вопрос, кто есть то «общество», которое предъявляет соответствующие нормы, кто выступает от его имени, и что собой представляют сами эти нормы, и в силу каких своих особенностей они оказываются общезначимыми в масштабе общества, воплощают в себе общее благо? Представляют ли общественную мораль те же люди и силы, которые представляют её политически, экономически, научно и т.д.? И обладают ли моральные нормы той же степенью всеобщности и необходимости как нормы, цементирующие другие аспекты общественной жизни?

Чтобы предельно просто ответить на эти многократно запутанные вопросы, обратимся к наивной ясности античного взгляда, раз уж так получилось, что в сегодняшнем нашем разговоре она, античность, присутствует в качестве интеллектуального зеркала. Я имею в виду миф Протагора, рассказанный в одноимённом диалоге Платона. Вы ведь хорошо помните этот миф. Близорукий (крепкий задним умом) Эпиметей создал людей голыми, без способностей, которые дали бы им возможность выжить в суровых условиях природного существования. Тогда Прометей крадёт огонь у богов и научает людей пользоваться языком, мастерить, чтобы они сами изготавливали то, что не даёт им в готовом виде природа. Так появляется у людей вторая – искусственная, неорганическая природа.

Но и этого оказывается мало, ибо люди не могут ужиться вместе, чтобы гарантировать себе безопасную жизнь. Тогда Зевс посылает своего сына Гермеса, чтобы он насадил среди людей стыд

и правду. На вопрос Гермеса: как распределить стыд и правду, так ли, как другие искусства, которые распределены выборочно, в результате чего одни являются кузнецами, другие земледельцами, третьи сапожниками и т.д., и они нуждаются друг в друге, чтобы обмениваться между собой результатами своей деятельности, или как-нибудь иначе?

Зевс ответил: к стыду и правде следует приобщить всех людей. Иначе не быть городам. Не быть обществу. Здесь сказано самое важное о морали: она составляет третью природу человека, которая надстраивается над его второй, социальной природой, являясь необходимым условием успешного функционирования этой последней. Мораль представляет собой такое свойство, которое не подлежит обмену. Словом, мораль имманентна каждому индивиду и ценна сама по себе.

Возвращаясь к логике наших рассуждений, мы можем сказать: никто не имеет особого, преимущественного права говорить от имени морали, или, что одно и то же, каждый может, вправе и в обязанности делать это. Мораль представляет собой то неотчуждаемое человеческое начало в человеке, которое не может быть никому делегировано и ни на что обменено.

Мы как природные существа подчинены определенным биологическим законам, законам рода. Но как гарантируется действие (соблюдение) этих законов? Это гарантируется тем, что они представлены, «закодированы» в каждом индивидуе, в каждой человеческой особи. Устойчивость существования человеческого рода гарантирована тем, что родовая сущность человека непосредственно воспроизводится в каждом индивидууме. Рода в эмпирическом смысле не существует, его можно увидеть умом, не глазами. Он представлен именно как общее понятие, идея. Рождаются индивиды, не род. Но, родившись, индивид проживает свою жизнь в той мере, в какой разворачивает свою родовую сущность, поднимается до нее.

Думаю, таков же принцип действия нравственной сущности человека (в от-

личие от его социальной сущности). Только непосредственная приобщенность индивидов к нравственному закону может стать гарантией существования человечества теперь уже не как биологического рода, а как исторического (общественного) целого. Как замечательно выразился Маркс, сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений. Вся проблема в том, как индивид соединяется со своей сущностью: навязывается ли она ему внешним образом, в том числе через разного рода нормы и институты, или само деятельное существование индивида является возвышением до своей сущности.

Когда речь идет о предметных (содержательных) аспектах деятельности (политике, экономике, образовании, финансах и т.д.), то отношения между людьми складываются в сложные ряды, в которых индивиды располагаются в зависимости от:

- их удельного веса в обществе;
- места в иерархии власти;
- богатства, знаний и т.д.;
- того, в какой мере они уполномочены представлять общие интересы.

Социальная ответственность всегда предметна, содержательна, специализирована; это – ответственность индивида перед обществом в соответствии с той ролью, которую он в нем играет. Это, если можно так выразиться, есть ответственность за себя перед другими, перед обществом, перед миром. Иное дело – деятельность человека в нравственном аспекте. Никому не дано очерчивать общие, а тем более универсальные оси добра и зла: нравственность существует в модусе индивидуально ответственного существования человека и никто не имеет преимущественного права выступать от ее имени. На этом держится нравственный закон, сама идея абсолютного в морали. Нравственная ответственность всегда есть ответственность конкретного субъекта. Это – ответственность перед собой (своей совестью, своим богом) за других, за общество, за мир.

Проблема, однако, в том, что эти два вида ответственности не существуют раздельно, они суть два аспекта (две стороны) всего того, что делает человек: социальная ответственность – ответственность за содержание, смысл того, что он делает, а нравственная ответственность – ответственность за сам факт того, что это именно он делает то, что делает. Как они соединяются в конкретности человеческих действий, как нравственная ответственность трансформируется в ответственность специальную (предметную), соотносится с успешностью действия и при этом сохраняет свою автономность – этот вопрос, на мой взгляд, требует каждый раз конкретного рассмотрения.

В общем виде можно сказать разве что следующее: нравственная ответственность имеет универсализующий характер, она рассматривает поступки сквозь призму субъекта с целью выявить их универсальную природу, а специальная (предметная) ответственность имеет локализирующий характер, она замкнута на содержание (смысл) поступков и представляет собой способ обеспечения их локальности, ограниченности.

М.С.: *Сегодня много говорят о «скрепах» – кто-то восторгается, кто-то резко критикует. Стоит ли искать какую-то универсальную ценность, которая скрепила бы культурное единство людей, создала возможность отказа от насилия – и была бы при этом в полном смысле и универсальной, и предельно конкретной?*

А.А.: Я думаю, что универсальными и предельно конкретными могут быть договоренности относительно того, чего не делать. По поводу всего спектра того, что можно и нужно делать, договориться «одним махом» нельзя, а вот о том, чего не делать – можно. Например – не решать конфликты военным путем. Не применять ядерное оружие. Нельзя держать дубинку и говорить другим: «Нет, вы так не делайте, это неправильно». Пример позитивной силы – один из самых востребованных в наши дни. Но позитивная сила состоит не в отказе от противостояния, просто она требует другого уровня дискуссии, а если и войны – то «войны

интерпретаций», а не «горячей», «холодной», «информационной» или «гибридной».

Позитивная сила требует опоры на свободу и нравственный закон, выводящий её в пространство общественных отношений, опирающийся на «безусловное нет» насилию. Это ключевой и основополагающий момент. До тех пор, пока человечество не откажется от войн и насилия как законно признаваемого основания для разрешения своих проблем и конфликтов; пока оно в лице своих мыслителей, политиков, юристов не откажется от лживой казуистики, призванной отделять допустимое, нравственно оправданное насилие (насилие во благо, ответное насилие, вынужденное насилие и т.п.) от насилия несправедливого, избыточного и т.п.; пока оно не поймёт, не примет в качестве безусловной истины, что любое насилие, насилие само по себе есть зло, первое, изначальное и абсолютно недопустимое зло, и пока это убеждение не станет самоочевидной нормой человеческого существования, такой же, как, например, нормы, запрещающие инцест или каннибализм; пока этого не будет, у человечества не будет будущего.

Сейчас мы очень далеки от этого, Далеки не просто в смысле длительности (количества лет), но далеки именно исторически, философски. Вдумайтесь: сейчас у больших государств одна из важнейших статей дохода – это продажа оружия. И это считается нормальным!

М.С.: *А если в свете этих рассуждений обратиться к национальной идее. Есть ли ответ на вопрос о национальной идее, можно ли его найти, и как это соотносится с переходом от индивидуального к общему? Является ли поиск национальной идеи поиском чего-то общего для нашего общества?*

А.А.: Здесь я тоже вижу попытку решить новую назревшую проблему старыми способами. Сейчас много говорят о патриотизме. Конечно, это очень важная вещь для существования не только общества, государства, но и каждого человека. Связь со своим народом, этносом – существует ли что-то более глубокое и

органичное?! Но, переходя на уровень суждений, понимания, кто мне скажет, в чем состоит патриотизм? И что я должен делать как патриот? Это же только я со своего места могу знать, что я должен делать как патриот, иначе это не нравственная ценность патриотизма, а, быть может, банальный конформизм.

Далее. Кто такой патриот? Был Чаадаев, и был Данилевский. Две совершенно различные линии развития России и понимания своей ответственности перед Россией. Так кто из них прав? Более того, если мы признаем ценность патриотизма, мы должны понимать, что в современных условиях она может утвердить себя только в рамках движения от индивидуального к общему, а не наоборот. Мы не найдём ни профессора философии, ни государственного деятеля, кто бы мог нам сформулировать эту идею, чтобы мы потом могли её вбить в головы людям. Даже если это вдруг по каким-то причинам получится, такая идея не будет жизнеспособной.

Ибо жизнеспособность её обеспечена только в том случае, если она будет выражением и продолжением мыслей, чувств и жизненных установок конкретных людей. Что, между прочим, повышает ответственность каждого за сделанный выбор. Как и увеличивает ответственность тех, кто берётся транслировать те или иные направления поиска и обретенные решения. Не «лекало» единственно верного учения, но поиск разных подходов и парадигм решения проблем. Открытая и честная дискуссия, опирающаяся на аргументы, а не на декларации. Высокий культурный и образовательный уровень общества, а не инертная безликая масса. Новый подход к человечеству как моральному сообществу, готовому искать разумные компромиссы и избегать насилия. Кстати, в полном соответствии с основным руслом развития русской философии – при всей разногласии присутствующих здесь суждений. Это и есть национальная идея: осознание безусловной ценности национального бытия до и независимо от всех различий в понимании его конкретных форм и путей развития.

М.С.: *Хорошо, но что же делать? Традиционный «русский» вопрос: каким путём идти, чтобы прийти, куда надо? Есть ли смысл искать новые гуманитарные технологии? Могут ли технология и философия существовать в гармонии и балансе, или технологии – это новый вызов для философии?*

А.А.: Технологии – это продолжение наших возможностей. Если мы понимаем бытие как практику, то технологии – это важная часть этой практики. В журнале «Философские науки» профессор Б.И. Кудрин опубликовал статью, в которой выдвигает идею, что техника образует свой особый мир. Есть биосфера, а есть техносфера, которая живёт своей собственной жизнью, а мы втянуты в неё и являемся как бы моментами этой техносферы. Конечно, роль техники ещё нуждается в осмыслении. Мы живём в мире техники, это наша родная стихия. Можно сказать, искусственная среда естественна для нас. Даже в нас самих отделить естественное от искусственного становится всё труднее. Но это – отдельный и специальный вопрос. Страхи, связанные с тем, что мы в своем научно-техническом рвении можем перейти некий допустимый предел, имеют свои основания.

М.С.: *Вы могли бы что-то пожелать нашим аспирантам, обучающимся по направлениям, связанным с культурой, в вузе, «заточенном» на аналитику международных отношений, с точки зрения не только философии, но этики и философии культуры?*

А.А.: МГИМО в силу особого отбора студентов и того, что он готовит дипломатов, долгое время воспринимался, отчасти воспринимается и сегодня, как закрытый элитарный вуз. И он действительно в какой-то мере был таковым. Не таким, конечно, закрытым как, скажем, военные академии, а, скорее, как какой-нибудь гольф клуб. Сейчас он всё более становится открытым, приобретает академический, университетский статус. В частности, он занимает всё более важное место в качестве гуманитарного исследовательского центра. Моё пожелание студентам и аспирантам МГИМО – наряду со

своей высокой профессиональной ответственностью, – осознать также свою ответственность за состояние гуманитарной науки и культуры в стране.

МГИМО – институт международных отношений, то есть отношений между культурами, между людьми, которые принадлежат к разным культурам. Человек, который открывает для себя мир, в определённый момент доходит до какой-то точки и осознает, что этот мир – большой, и в нём живут миллиарды людей. Если он дойдёт до понимания, что ни один из них не хуже него, тогда у него откроется горизонт, чтобы быть на уровне современных международных отношений.

Мы, конечно, должны осознавать и свою самобытность, иметь свою гордость, своё достоинство. Но всё это мы

можем приобрести только на основе уважительного отношения к другим. Привилегия критиковать какую-то культуру – и национальную, и религиозную, – является, прежде всего, делом людей, которые принадлежат к этой культуре. А что касается других религий и культур, то наша задача заключается в том, чтобы уважать их и находить в них положительное, дистанцируясь от того, что для нас неприемлемо. Людям не надо бояться потерять себя, уважая других. Скорее наоборот, уважая других, себя никогда не потеряешь, и только станешь лучше.

Утверждать и возвышать себя не за счёт других, а вместе с другими – разве не в этом высшее искусство дипломатии и подлинная этика международных отношений?!

“REVEALING OTHERS IS REVEALING OURSELVES” (Eternal Questions in Modern Philosophy and Culture of International Relations)

A.A. Guseinov

An Interview with a Famous Philosopher, Scientific Director of The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS Abdusalam Abdulkерimovich Guseinov (A.G.). Interviewed by Doctor of Philosophy, Professor M.V. Silantieva (M.S.) and Ph.D. Student Daria Liubinsky (D.L.). Exclusive interview to the Journal “Concept: Philosophy, Religion, Culture”.

M.S.: *Dear Salam Kerimovich, there is the bust of Aristotle in your office; is it a tribute to your longtime and fruitful interest in his ethics? Or do you think that philosophy – if it is philosophy indeed – is always modern?*

A.G.: The whole world has been speaking about Aristotle and his ideas recently due to the anniversary – 2400 years. But he is always present at our work even without such an outwardly stimulated interest, we can hardly imagine to what extent we are all, if I may say so, Aristoteles. For example, Aristotle defined five senses. All theories of justice, including the one by J. Rawls, hardly advanced beyond Aristotle’s scheme. All existing forms of the state were systematized by Aristotle. Psychology is based on Aristotle’s book “On the Soul”. Aesthetics and ethics were founded

by him. It’s absolutely incredible that all this was done by one person, who, by the way, lived not so much, less than 70 years. In this regard, Aristotle could even be considered one of the arguments for the existence of God (if we need such arguments at all), as one can hardly imagine that a mortal man could do so much on his own, possessed such a genius as Aristotle!

M.S.: *In that context – do you think it makes sense to preserve a solid block of antiquity in our philosophical education? From time to time I hear that it would be good to give a modern American philosophy of politics to first year students at the very beginning, not to distract them with “museum” issues ...*

A.G.: The “solid block of antiquity” in education doesn’t just make good sense, it is

necessary. I would even say that if philosophy teaching still preserves sense, that's because students can get to know Plato, Aristotle and other great names comparable to them in the history of European culture. Antiquity is not just the first stage of philosophy and culture, it's not just the first step or the beginning; it is a certain foundation. The foundation that is a constant source, to which all subsequent epochs comes back. The river of European philosophy is moving to its source back to antiquity now, and if that source stops beating, then this river will dry up. What way and why it happened, this is a special issue. It's just enough for us to know that it is so, and that the European culture and its philosophical grounds should be regarded as something historically integral. Philosophy developed in such a way that each new direction, each new qualitative stage simultaneously appealed to antiquity, found its roots there. It seems that the current trend – pragmatism – is a specific American philosophy. But pragmatism also finds its roots in antiquity, among the Sophists. All the following schools and worldviews were rooted in antiquity in the form of grains. Nobody argues that M. Heidegger is one of the greatest figures of the XX century. And he philosophized based on antiquity – Heraclitus, Anaximander, Aristotle, and Parmenides. There are other examples. If you are not acquainted with the source, the foundation, then a serious interpretation of modern approaches is out of the question, isn't?

M.S.: *Thus is it possible to conclude that a man with his perennial questions stays the same?*

A.G.: No. A man with his perennial questions is expected to changed. Why are the questions "perennial"? Not because they can be answered once and for all ("perennially") and this has already been done by the geniuses of the past; but because each time they require a new answer, as the time, circumstances, people has already changed and they should be answered perennially.

Life is going on in its established recurring forms (birth, growth, aging, death); however each individual lives it in his own way, being born, developing, aging and dying. He does not repeat someone's way, and he paves his own way as if it was for the first time ever.

The same is about perennial issues in philosophy. They do not emerge as conditions for the pragmatic problems solution. You can hardly find such a practical task, which solution depends on the way you answer the question – if the world is limited or unlimited. Applied problems are solved by applying to knowledge adapted to specific conditions.

But does this mean that the questions we call perennial are just of abstract interest in themselves? I think no. Let's take the most personal questions related to ethical choice. Sooner or later an active-minded person faces them. And usually they do not appear abstractly, but quite vitally and very concretely as the question of life purpose, for example, faced by Lev Nikolaevich Tolstoy on the eve of his 50th birthday, which turned his spiritual world upside down. Therefore, I think that a constant work with so-called perennial questions argue for people's variability; due to this variability people are forced to solve these problems again and again. Perennial questions are answered "perennially".

M.S.: *You are one of the most famous Russian ethicists, and ethics, according to Socrates, is the core of philosophy. One can hardly dispute that in a man's orientation, both in the practical world and in the world of senses, much depends on the inner ethical centering. How do you see the correlation between the "moral law inside me" and the moral social patterns?*

A.G.: This is a very important and serious issue for understanding the state of modern philosophy. First of all, it should be emphasized that philosophy itself is morally oriented. If we ask ourselves what caused the birth of philosophy, we realize that cognitive motives played an important, but not the decisive or, at least, not the only role. Looking for more advanced forms of life is also at the forefront. Within personal moral aspirations, within the question of what kind of life is more perfect, more worthy, right within this framework philosophy emerges as a love of wisdom.

In this context philosophy continued the search of mythology and heroic epic preceding it. But unlike them, philosophy translated the issue of happiness and virtue into the field of rational search, into the plane of

cognition. Traced the search for a perfect life to moral virtue as a unity of man's spiritual potencies, not to his physical development, neither to the heroism (if we take Homeric ideal), nor to religious-mystical practices (if we take orphic experience). Philosophically, the unity of spiritual potencies is provided by rational cognition, reason, logic – therein lays the originality of its approach. That is why philosophical reflections have always been saturated with moral pathos.

There is much evidence for this, yet it's always out of attention. Just to name Heraclitus, the singer of the universal common logos. And there is a fragment: "I was looking for myself". That means he needs logos, fire to find himself. Parmenides and his famous chased theses about reality. Nevertheless, the wisdom contained in these theses, is the answer to the question of a young man searching for the truth of life; who was looking for the way to go. Or let us say, "Discourse on the method" by Descartes is the most important program of the modern period, the program of the New European rationalism. But in fact this is actually an autobiography! The author says explicitly that it is an autobiographical work originated while searching for his own understanding of life. What is more, he wants to find the true meaning of life. And finds it in his famous: "I think, therefore I am".

Sometimes a key point is forgotten: philosophers brought to culture not only an interest in abstract issues, useless from the point of view of everyday needs, but they considered this interest as something more important than power, money and other pragmatic motives. They brought not only a new view of life, but new values as well.

Ethics exists within philosophy as a special aspect – along with logic, cosmology, and if taking modern structure of philosophy, then along with many other disciplines, including social philosophy, philosophy of religion, philosophy of culture, etc. But in such a case ethics exists as a core of philosophy, since there is an ethical focus and a moral pathos of philosophy itself. So philosophy as it is, in all of its disciplinary units, in its logical basis as well, has a certain ethical focus; philosophy itself is an ethical project. To my

mind, it is worth emphasizing this point. This is the first aspect.

The second one is even more burning and difficult: the way social conditioning is positioned within the meaning of ethics itself – a certain individual choice and an individual mindset. Here we have to speak from afar. There is a dramatic shift within philosophy nowadays. We catch it in part, but cannot comprehend at all. All what's happening is plain to see and is found in conversations about the end of philosophy. Or that just logic and mathematics are left. Or even take the revolt of so-called postmodern authors against classical philosophy and its attitudes, for instance. All of this separately can be considered a misunderstanding or epatage; but altogether, philosophy is at turning point, indeed.

As for me, I would try to formulate it this way: there is a common approach to consider philosophy as an abstract science, as it tries to embrace the world as a whole, dealing with extremely general definitions, descriptions, characteristics. But philosophy is not just a doctrine of the Being appealing to its basics. It tries to get to the heart of the Being in such a way that philosopher as a thinking being has his own place in this Being, striving to embrace it. He should not just describe the Being and tell what it is; but to demonstrate why and how a man, thinking about the Being and creating its image occurred, and what this means for the Being itself. And why a man needs such an understanding of the Being that would become a clue for him.

Such an approach is an extremely important characteristic of philosophy throughout all almost 3000 years of its existence within the European culture. Thus, according to Heraclitus, the logos-fire, which rules the world, controls a man as well. And a good soul, which is an intelligent one, is dry and fiery. Such a stream of thought, finding a key to human existence in the doctrine of the Being is typical of philosophy. Philosophy moves from the general to the individual trying to understand a man through the world, to find such features and such a deep predetermination in the world that would lead us to a man with his incomprehensible, unusual, divine

attitude toward a reason, knowledge and an eternal dissatisfaction with himself.

As far as I see, philosophy has already disappointed in its intellectual “mainstream” of moving from the general to the special. It has been trying to outline another way for more than a hundred years – from the special to the general. This refers to another way of thinking, namely, how we can understand and create an adequate image of the Being, referring to a man himself, his place and mission in the world. According to this approach, the starting point is not the world just as it is, regardless of a man. The starting point will be a man with his conduct.

Marxism with its doctrine of practice was one of the forms of philosophy with the Being interpreted as practice. Within this philosophy, the question of what the world is, no matter how we see and treat it is not even raised. The being is understood as practice. This is a fundamental reversal, the beginning of a new philosophy. All qualitative changes before were within an attempt to come to the specific through the general and therefore to solve the problem of human existence. Now there is a reverse movement. The signs of this can be also found in Nietzsche with his ideas of a superman, and M.M. Bakhtin with his philosophy of action, in existentialism with its idea of existence, preceding the essence. Postmodern philosophical experiments are in the same spirit.

M.S.: *There is also another Aristotle's approach - from dianoetic virtues to ethical ones. That is when you can first understand (thanks to the wisdom, the virtue of theoretical mind), then count (through the judgement, the virtue of practical, active mind), and then realize the sense in a “good” move.*

A.G.: The fact is that in this case Aristotle discovered Socrates' narrow mindedness. The latter thought that virtue is knowledge and it's a function of the rational man's nature. Socrates ignored the affects, but in fact, the acts are related to the thoughtless part. Goals are set by desires, not only and not so much by the mind. According to Aristotle, the impulse of virtue can proceed both from the mind and from the feelings, but still it's safer when it comes from feelings, from the irrational part of the soul. Virtue is a human quality;

gods don't possess it since they do not have an affective part, neither do the animals, because they have no human mind. Virtue is the quality of people because they have both. A man has in common with animals, because he has a thoughtless affective part of the soul, and with the gods, because he has the mind. When we consider actions, the whole Aristotle's analysis retains its value. So, what's the idea? It's to interpret the behavior as follows: a person is responsible for what he does, because the decisive role belongs to his mind, and because the affective part can be in unity with it, obeying it. It was Aristotle who created a developed theory of arbitrary actions first. This is a key, a decisive sign of human actions.

M.S.: *So is the question of freedom still important for philosophy today?*

A.G.: This is one of the eternal questions, which is always important. Surely, there were teachings that focused on the issue of freedom, as Hegel, who believed that the whole story is a process of knowing freedom, or Spinoza, who created the ethics of freedom. Now the question of freedom requires new formulations and new solutions, it is now even more important than before. Earlier, as we found out, philosophy moved from the general to the special, and the key question was the question of how the necessity correlates with the voluntariness of human actions. Now a major intellectual practical task is to link the voluntariness of human actions with the necessity. Until now philosophy considered the world as it is. And the task was to insert a man into this world. Consequently, the following question came up: to what extent is a man conditioned, what is he responsible for, where is the natural, the social, the acquired and the borrowed kept, what does contribute to his development and hamper his growth?

Or in a different manner: what way can this world be understood as a world, generated by a free act of a man? And not just generated as a result of a one-time act, but being constantly generated and constructed. Not as before when a man was inserted in a world; but how the world is inserted in a man. And the question is how to understand the world in such a way as if it was the world being

formed by ourselves. That means to understand freedom as a special way of human being. This difference can be also formulated in social and moral terms:

- earlier freedom was understood as liberation from external oppression (from exploitation, class restrictions, poverty, diseases, forced labor, etc.);
- now the question of how to operate freedom comes to the forefront.

From my point of view, the recent referendum in Switzerland on providing all citizens with a life-long pension, guaranteeing them comfortable circumstances, is very illustrative. Even more indicative is that the Swiss did not support such a proposal. Surely, one can say that they have demonstrated wisdom, others may compare their decision with the behavior of peasants who did not want (did not dare) to get out of serfdom. This case shows some deep processes in social being. It's important to become free, but it's not the result yet, and it's not even half the battle. It is much more important, more difficult and more responsible to be free.

M.S.: *Today much emphasis is on the foreign policy, the crisis of international relations, and the role of diplomacy. Therefore, we are talking about the role of the United Nations; in its program documents it's clearly said about the morality and cultural differences. Are there any contradictions? Is there a universal model of morality not exclusive of cultural diversity?*

A.G.: A universal model of morality, a universal moral law, an absolute morality? This is a big question of ethics, being even fatal. Philosophers afire with pathos of truth have always understood morality as something absolute, not able to drop this attitude even when they:

- like the school of Pyrrho, rejecting moral dogmatism, in this case putting an absolute emphasis on the most skeptical position;
- like Nietzsche, regarding human morality as a total falsity and countering it with a certain supreme overhuman position, imminently calling it moral.

In this case even the absolute was understood, as it's said, "absolutely" different by philosophers. For example, a manifesto of a group of philosophers called "Europe in which we believe" has recently appeared, in

which they oppose false universalism contrasting it with true universalism. But what differentiates the one from the other? There is a lot to be thought over.

The absolute is therefore the absolute, because all our claims about it are relative. Wittgenstein was right, saying that we are a lack of language for morality, and we must keep silent about it, the same as about religion. And since we are still talking about it, after all (we cannot but speak – by the way, this is a question we should also think about, why we cannot but talk about it, although we all know that rhetoric is far from being disciplinary), we should always keep in mind the relativity of our speeches in ethics and each time relate this to the one who makes a speech.

I would even say: there is no impersonal moral truth, since morality itself is a person-centered, personally balanced individual's position in the world. Surely, morality has social nature, it's possible just in society; a man is a moral being the same as he is a social being.

All these comments are as banal as vague. They need to be clarified. The common explanation is that morality is a set of norms and rules of behavior society demands from individuals (this is a standard students' response for the question of what morality is). This statement should also be recognized vague, if not demagogic. The following questions arise: what is that "society" that presents those norms and who's behind it; what do these norms represent and why are they socially important, brining common good? Is social morality represented by the same people and forces which represent it politically, economically, scientifically, etc.? And are moral norms as universal and necessary as the norms that cement other aspects of social life?

To answer these entangled questions in an extremely simple way, let's turn to the naive clarity of the ancient view, since in our today's conversation antiquity is presented as an intellectual mirror. I mean the myth of Protagoras, told in Plato's similarly-named dialogue. You remember this myth, don't you?

- myopic (wise behind the hand) Epimetheus created people naked, without abilities, which would enable them to survive in harsh conditions of natural existence;

– then Prometheus stole the fire from the gods and taught people to use the language, to do crafts so that they could produce themselves everything they don't get preformed. That was the way people got their second nature, artificial and inorganic. But that was still not enough and people could not get along together to guarantee secure life;

– then Zeus sent his son Hermes to plant shame and truth among the people. Hermes asked about the way to spread shame and truth, if to do it selectively, as well as other arts, so that some people were blacksmiths, others were farmers, shoemakers, etc., and they needed each other to exchange the results of their activities, or in a different way. Zeus replied that all people had to be accustomed to the shame and truth. Otherwise, there would be neither cities nor society.

Here is the most important thing about morality. It is the third man's nature, which is built upon his second social nature and presents a precondition for its successful functioning. At the same time, it's a property that cannot be exchanged. So, morality is immanent to every individual and is valued by itself. Back on the logic of our reasoning, we can say: no one has a special, preferential right to speak on behalf of morality, or, which is the same, everyone has the right and the duty to do it. Morality is that inalienable human part that can be neither delegated to anyone nor exchanged for anything.

Being natural creatures we are under certain biological laws, laws of the genus. But how is the force (compliance) of these laws guaranteed? It's guaranteed because they are represented, "encoded" in each individual, in each human being. The stability of human race existence is guaranteed by the fact that human generic essence is presented in each individual. There is no genus empirically; it can be seen with the mind, not with the eyes. It is presented precisely as a general concept, idea. Individuals are born, not gender. But, having been born, the individual lives his life to the extent that he unfolds his ancestral essence, rising to it.

I think the same is a man's moral essence principle of activity (in contrast to his social essence). Just observing moral laws can guar-

antee the existence of mankind not as a biological kind, but as a historical (social) unit. As K. Marx said, the essence of a man is not an abstraction inherent in an individual; it's a complex of all social relations. The whole question is the way an individual joins together with his essence: if it's imposed externally, including through various kinds of norms and institutions, or his active existence rises to his essence.

If speaking about substantive facets (politics, economics, education, finance, etc.), then human relations form complex series in which individuals are located depending on:

- their social role;
- their position within hierarchy of power;
- wealth, knowledge, etc.;
- to what extent they are authorized to represent common interests.

Social responsibility is always objective, informative, specialized; it's individual's responsibility to the society in accordance with the role that he plays within it. If I may say so, this is responsibility for oneself to all others, to the society, to the world. Human activity in the moral aspect is something else entirely. No one is allowed to draw general, moreover, universal axes of good and evil: morality exists in the mode of individually responsible existence of a man and no one has the right to represent it. This is the basis of the moral law, the idea of the absolute in morality. Moral responsibility is always the responsibility of a certain person: responsibility to oneself (one's conscience, one's God) and to the others, social responsibility.

However the problem is, that these two kinds of responsibility don't exist separately, they are two aspects (two sides) of all done by a man: social responsibility is the responsibility for the content, the essence of what he does, and moral responsibility is the responsibility for the very fact that this is what he does. The way they are connected with each other in human activity and how moral responsibility transforms into a special (subjective) responsibility, correlates with activity's effectiveness maintaining its autonomy at the same time – this issue requires a specific examination every time, as for me. In general, we can resume the following:

– moral responsibility has a universalizing character, considering human actions through the prism of the subject in order to reveal its universal nature;

– a special (subject) responsibility has a localizing character, being focused on the content (essence) of actions and it is the way to ensure their locality and limitation.

M.S.: *Today there is much emphasizes on the “tenets” admired by some people and sharply criticized by others. Is there any use to look for some universal value that would tighten people’s cultural unity, create the possibility of non-violence, at the same time being truly universal and well-defined?*

A.G.: As far as I am concerned, just the understanding on what one shouldn’t do can be truly universal and well-defined. It’s impossible to agree “in a single go” concerning the full range of what can and should be done, but it’s quite possible to agree upon one shouldn’t do. For example not to resolve conflicts through military means. Do not use nuclear weapons. You cannot keep a club in hand and say: “No, don’t do this, it’s wrong”. The example of positive force is one of the most requested today. But it’s not a rejection of confrontation, it just requires a different level of discussion, or even if a war is required then the “war of interpretation”, not the “hot”, “cold”, “information” or “hybrid” one. Positive force must be based on freedom and the moral law bringing it into social relations, based on “unconditional no” to violence. This is a key and a fundamental aspect.

Until:

– humanity doesn’t give up wars and violence as a legal basis for resolving its problems and conflicts;

– doesn’t stop using deceitful casuistry designed to distinguish permissible, morally justified violence (violence for good, retaliatory violence, forced violence, etc.) from the violence of unjust, excessive, etc. via its thinkers, politicians and lawyers;

– doesn’t understand, and accept as an absolute truth that any violence, violence itself is an evil, the first, primordial and absolutely unacceptable evil;

– this conviction becomes a self-evident norm of human existence, the same as norms providing against incest or cannibal-

ism. Until this happens, humanity has no future.

Now we are very far from that. Being far not just in the meaning of time (life years), but historically, philosophically. Think of it: nowadays one of the most important items of large states’ income is the sale of weapons. And this is considered normal!

M.S.: *In light of this, let’s turn to the national idea. Is there an answer to the question of the national idea, can it be found, and what way does this relate to the transition from the individual to the general? Can we treat a search for the national idea as a search for something unifying our society?*

A.G.: Here again I see an attempt to solve a new pending problem old way. Now many people talk a lot about patriotism. Surely, it’s very important for the existence of the society, the state and every person. Is there something deeper and more organic than connection with your nation, ethnos? But going over to the level of judgment and understanding, who can tell me what patriotism is? And what should I do as a patriot? It’s only me who knows what I should do being a patriot, otherwise this is not a moral value of patriotism, but just a beaten conformism.

Further. Who is a patriot? There was Chaadaev, and there was Danilevsky. These are two absolutely different ways of Russian development and understanding of their responsibility to Russia. So which of them is right? Even more, if we recognize the value of patriotism, we should understand that in the present context it can be asserted just within the movement from the individual to the general, and not the reverse. We can hardly find a professor of philosophy or a statesman who could formulate this idea, so that to drill it into people’s heads. Even if it happens some way, such an idea won’t be viable. Its vitality is ensured just if it is a sequel of thoughts, feelings and attitudes of concrete people, increasing the responsibility of everyone for the choice made, by the way, as well as of those who assume responsibilities of translating certain search directions and found solutions.

It’s not a “template” of the only true teaching, but a search for different approaches and paradigms for solving problems. It’s an open and honest discussion, based on arguments,

not on declarations. It's a high cultural and educational social level, not an inert faceless mass ... Treating humanity as a moral community ready to seek reasonable compromises and avoid violence. By the way, this equates to the main trends of the Russian philosophy despite the variety of opinions. This is the national idea: understanding the value of the national being regardless of all differences within the meaning of its concrete forms and ways of development.

M.S.: *So, what's to be done? The traditional "Russian" question: what way to go so that to come where is needed? Is there any use to look for new humanitarian technologies? Can technology and philosophy exist in harmony and balance, or is technology a new challenge for philosophy?*

A.G.: Technology is the sequel of our capabilities. If we understand the Being as a practice, then technology is an important part of this practice. Professor B. Kudrin published an article in the journal "Philosophical Sciences" suggesting an idea that technology forms a particular world. There is a biosphere and there is a technosphere living its own life. Being drawn into the technosphere, we are a kind of its part. Of course, the role of technology still needs to be understood. We live in the world of technology, this is our nature. We can say that the artificial environment is natural to us. It's getting more difficult to separate the natural from the artificial even in ourselves. But it is a separate and a special issue. Our fears that we can go over the line in our scientific and technical efforts are supported by evidence.

M.S.: *Could you wish something to our graduate students studying culture in the university "fixated on" the analysis of international relations, in the context of philosophy as well as ethics and philosophy of culture?*

A.G.: MGIMO has been long perceived and to some extent is still treated as a closed exclusive university due to the students' short-listing and as it prepares diplomats. And it really used to be like that. Not so closed as military academies, but like some kind of a golf club. Now it becomes more open, acquiring academic (university) status. In particular, it grows in importance as a humanitarian research center. I wish MGIMO students and graduate students, along with their high professional responsibility, realize their responsibility for the state of humanitarian science and culture in their country.

MGIMO is the Institute of International relations, in other words, these are the relations between cultures, between people of different cultures. Revealing the world, at a certain moment a man realizes that this world is big and billions of people live there. If he can approach understanding that none of them is worse than he is, then he has a possibility to be up to the latest international relations. Surely we should see our own identity, have our pride and dignity. But we can get all this just respecting others. The privilege to criticize a certain culture – both national and religious – is given to the people of that culture. If speaking about other religions and cultures, we should respect them and find positive aspects, distancing ourselves from what seems unacceptable. People should not be fearful of losing themselves: respecting others, you will never lose yourself. Rather on the contrary: you will become better.

To assert and raise oneself not at the expense of others, but together with others – isn't it the highest art of diplomacy and the true ethics of international relations?! I wish MGIMO staff members success in moving forward in this area!